

С. Э. ЗВЕРЕВ

Воинский дискурс

три источника,
три составные части

Сергей Зверев

**Воинский дискурс: три
источника, три составные части**

«Алетейя»

2019

УДК 355.233
ББК 68.49(2Рос)3

Зверев С. Э.

Воинский дискурс: три источника, три составные части /
С. Э. Зверев — «Алетейя», 2019

ISBN 978-5-907189-31-7

Издание является первым специализированным исследованием с целью выявления взаимосвязи нормативных требований к организации воинского дискурса с качеством командирского и штабного мышления, подходами к организации служебно-боевой деятельности и боеспособностью войск. В издании анализируются источники воинского дискурса: тексты военных трактатов, отечественных и зарубежных воинских уставов, военных словарей и энциклопедий. Отмечается, что современный воинский институциональный дискурс в военных словарях и энциклопедиях кодифицируется, в воинских уставах регламентируется, а в военной риторике реализуется. Книга адресована широкому кругу читателей – всем, кто интересуется военной историей, военной риторикой, военной педагогикой и психологией.

УДК 355.233
ББК 68.49(2Рос)3

ISBN 978-5-907189-31-7

© Зверев С. Э., 2019
© Алетейя, 2019

Содержание

Введение	6
Раздел I	10
Глава 1	10
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Зверев

Воинский дискурс. Три источника, три составные части

Юлии

Рецензенты:

доктор социологических наук, доцент *Ю. В. Верминенко* (Военная академия связи)

доктор исторических наук, профессор *О. Ю. Пленное* (Санкт-Петербургский университет)

© С.Э. Зверев, 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Введение

Анализ известных педагогических и военно-педагогических систем и социальной практики воинской деятельности свидетельствует, что потенциал речи активно использовался как в процессе обучения и воспитания, так и для руководства войсками (силами флота), повышения морально-психологической устойчивости, формирования положительной мотивации военнослужащих. Тем не менее, исследования, посвященные изучению воинского дискурса, относительно редки – до настоящего времени не проводилось всеобъемлющего исследования, имевшего целью систематическое описание воинского институционального дискурса. Практический интерес, на наш взгляд, здесь представляют не столько сугубо лингвистические штудии, сколько комплексное историко-риторико-психолого-педагогическое (да простится нам такое словообразовательное новшество) исследование с целью выявления взаимосвязи нормативных требований к организации воинского дискурса с качеством командирского и штабного мышления, подходами к организации служебно-боевой деятельности и в конечном счете с боеспособностью войск.

Под *воинским институциональным дискурсом* (или просто, *воинским дискурсом*) в данном исследовании будет пониматься тип коммуникативного поведения, обусловленный профессиональными и социально-культурными условиями воинской деятельности, а под *персональным дискурсом* – речевую деятельность военнослужащих, осуществляемую в соответствии с требованиями воинского институционального дискурса.

В этой связи особенный интерес представляет вопрос об источниках воинского дискурса: откуда военные черпали и до настоящего времени черпают образцы коммуникативного поведения, что определяет характер их речевой деятельности и регламентирует ее. Вопрос это сложный – непросто бывает отделить реальные речи исторических персонажей от их переложения по своему вкусу и в зависимости от степени осведомленности историками.

Например, один из наиболее заслуживающих доверия греческих историков Фукидид честно признавался: «Что касается речей, произнесенных отдельными лицами, то для меня трудно было запомнить все сказанное в этих речах со всей точностью, – как то, что я слышал сам, так и то, что передавали мне с разных сторон другие. Речи составлены у меня так, как, по моему мнению, каждый оратор, сообразуясь всегда с обстоятельствами данного момента, скорее всего, мог говорить о настоящем положении дел, причем я держался возможно ближе общего смысла действительно сказанного»¹. Это, конечно, не значит, что военная риторика не оказывала никакого влияния на формирование воинского дискурса – риторика наука по преимуществу воспитательная; на речах, написанных тем же Фукидидом, воспитывались многие поколения будущих героев. Они же и впитывали то, что было вымыслено или переложено историками, и речи их в свою очередь служили материалом для историков грядущих поколений. Недаром Цицерон писал, что «та древняя наука (риторика. – *авт.*), по-видимому, была учительницей и правильных поступков и умения хорошо говорить, и учителя не были отдельными, но одни и те же лица учили и жить, и говорить»².

Риторика стоит на топе (общее место) и на примере. Откуда же было древним учителям красноречия брать и то, и другое? Помимо окружающей действительности, почерпать их можно было только из литературных произведений и эпоса, прежде всего «Илиады» Гомера. Большинству людей античности Гомер представлялся средоточием всей человеческой мудрости. Героические поэмы Гомера были школой жизни античного общества: его герои были

¹ Фукидид История. СПб.: Наука, 1999. С. 48.

² Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве // под ред. М. Л. Гаспарова. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1994. С. 211.

образцом для подражания десятков поколений военных и государственных деятелей, пафос их речей пронизывает всю историю Древнего мира.

В песнях древнейшего греческого поэта Тиртея (VII в. до н. э.) мы находим многочисленные следы влияния Гомера. Происходивший из Лаконии Тиртей своей лирикой был обязан вести спартанцев к победе, создавать песни, в которых бы прославлялось бодрость, мужество и решимость идущих сражаться за отечество. В его стихотворных призывах к бойцам, идущим на смерть, можно найти множество мыслей и образов, навеянных «Илиадой». Стихотворения Тиртея пользовались в Спарте большим почетом: их исполняли во время общих обедов, после молитвы богам, перед сражениями как пэан (боевой гимн) или эмбатерии (маршевые песни). Уже древние (Ликург, Гораций) упоминали «о том влиянии, какое Тиртей и Гомер имели **на развитие храбрости у людей** (выделено нами. – авт.)»³.

Тесное переплетение эпоса, литературы и истории не случайно. Эпос питает сознание народа на уровне архетипа, который впоследствии воспроизводится в литературе и исторических сочинениях. Безусловно, неверно будет искать точного отражения эпических событий в исторических произведениях. Но общее впечатление, оценку и порой неожиданные особенности восприятия народным сознанием наиболее значимых явлений исторической действительности эпос отражает. Можно утверждать, что архетипические сюжеты, персонажи и образы могут и должны проявляться в речевой деятельности вполне реальных исторических персонажей.

В военных трактатах и военной риторике византийцев часто встречается топ, который представляет собой то, что в литературоведении известно под понятием «бродячий сюжет». Например, «Тактика» Льва VI (IX в.) полагала, что для воодушевления воинов «особенно убедительными должны быть слова о том, что предстоит сражаться с врагами, которые тоже состоят из плоти и крови и которые способны страдать точно так же, как и остальные люди»⁴. Подобными словами рекомендовал «воспламенять» души воинов к битве автор анонимного трактата «О боевом сопровождении» (Xв.): «...для возбуждения в воинах мужества, отважности и неустрашимости скажи пред ними лестную для них речь следующего содержания: «Римляне! Станем против врагов с непоколебимой твердостью, храбростью и мужеством!..

Не каменную, не медную они имеют крепость, чтоб быть невредимыми; не железное у них тело, чтоб не утомиться и не ослабеть от труда»⁵. В «Стратагемах» Полиэна в уста афинского полководца Хабрия (IV в. до н. э.) вложена речь следующего содержания: «Когда мы намереваемся вступить в бой, мы должны считать, что не с врагами, наделенными нечеловеческими свойствами, мы столкнемся, но с людьми, что имеют кровь и плоть и обладают той же самой сущностью, что и мы»⁶. В сражении при Евфрате (576 г.) византийский стратиг Юстиниан в своей прекрасно разработанной речи использовал тот же образ: «Не бессмертна природа персов, счастье мидийцев не неизменно, руки варваров не без устали, рук и ног у них не больше, чем у нас, не две души имеют они, и тела их не из адаманта. Тайне смерти подвержены также и персы»⁷. Древнейшим источником этих «бродячих сюжетов» военной риторики, призванных убедить воинов, что любого врага можно убить и победить, является, судя по всему, «Илиада», в четвертой песне которой Аполлон так пытается возбудить мужество в троянцах:

«Конники Трои! Смелее, вперед! Не сдавайте ахейцам
Поле сраженья! Ведь кожа у них не железо, не камень!

³ История греческой литературы. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 195.

⁴ Лев VI Мудрый Тактика Льва. СПб.: Алетейя, 2012. С. 339.

⁵ Два византийских трактата конца X века. СПб.: Алетейя, 2002. С. 221–222.

⁶ Полиэн Стратагемы. СПб.: Евразия, 2002. С. 138.

⁷ Феофилакт Симокатта История. М.: Изд-во АН СССР, 1957. III, 13.

Острою медью ударишь – удара она не задержит!»

(И., IV, 509–511)

Во взаимном переплетении и перетекании друг в друга сюжетов эпоса и литературы, топов военной риторики и рекомендаций военных трактатов заключается та системообразующая для воинского институционального дискурса связь, которая призвана питать, обогащать и возвышать военное дело и воинскую деятельность. Это сплетение одно только обеспечивает воинскому дискурсу способность превращать войну и военную службу в восприятии ее общественным сознанием из ремесла, основанного на противоестественном убийстве себе подобных, в избранное служение, охарактеризованное в свое время эпитафией к «Уставу воинскому» Петра I: «Чрез оружие домогаются чести».

Итак, мы нащупали древнейшие источники воинского институционального дискурса – эпос, литературу, военную риторику и военные трактаты, – взаимно питавшие друг друга. С наступлением Нового времени функцию регламентации речевой деятельности военных, прежде, как правило, эпизодически выполняемую военными трактатами, переняли воинские уставы. По мере своего развития уставы обнаружили склонность к всеобъемлющей регламентации не только служебно-боевой деятельности, но и, можно сказать, уклада жизни военного сословия. Уставной дискурс стал все шире использоваться в качестве эталонного в персональных дискурсах военнослужащих. Приказы и команды почти вытеснили из воинской деятельности военную риторику, предоставив ее частному почину отдельных полководцев, к которому, к тому же, прибегали, обычно оказываясь в самых стесненных, если не критических обстоятельствах.

Потеря воинским дискурсом вместе с утратой возвышающих душу топов и примеров воспитывающей силы безусловно сказалась на боевом духе и боеспособности войск. Там, где «вместо храбрости – нахальство, а вместо подвигов – психоз», места храбрости и подвигов обычно не находится, а без них ни одна армия в мире воевать еще не научилась и вряд ли научится, по крайней мере, по-настоящему, а не гибридно. Прикрыть этот очевидный и не очень удобный для многих лишенного истинно воинского духа военных факт попытались фиговым листком военной науки и военного искусства, ссылаясь на содержимое выведенного яйца многотрудных «компетенций», которыми-де теперь необходимо овладеть солдату и офицеру вследствие немислимого усложнения военного дела. Дискурс современных боевых уставов из канцелярски-административного превратился отчасти в псевдонаучный, оперирующий разветвленной и нередко весьма запутанной терминологией. Как следствие, возникла необходимость в военных словарях и энциклопедиях, в которых военная премудрость находила бы солидное научное обоснование и подкрепление. Поскольку уставы, доктрины и прочие основополагающие документы теперь исправно ссылаются на толкование военных терминов, закрепленных в соответствующих словарных статьях, военные словари и энциклопедии в настоящее время могут считаться, наряду с уставами, одним из источников воинского институционального дискурса.

Итак, современный воинский институциональный дискурс в военных словарях и энциклопедиях *кодифицируется*, в воинских уставах *регламентируется*, а в военной риторике преимущественно *реализуется*. Мы употребили применительно к военной риторике оговорку «преимущественно», потому что в первом своем значении – как наука, технология и искусство целесообразного изобретения, построения и употребления речи – военная риторика не находит применения в отечественной педагогической практике. Остается надеяться, что частный почин отдельных военачальников до сих пор еще удовлетворяет второму ее значению – быть совокупностью произведений персональных дискурсов, служащих обеспечению воинской деятельности. Читателей, интересующихся историей военной риторики, мы отсылаем к монографиям серии «Военная риторика», выходивших в издательстве «Алетейя» в 2011–2014 годах.

Монография, которую мы предлагаем вниманию читателей, посвящена изучению источников воинского дискурса: древних военных трактатов (раздел I), воинских уставов (раздел II) и военных словарей и энциклопедий (раздел III).

Раздел I

Военные трактаты

Глава 1

Европейские военные трактаты

Первая попытка регламентации речевой деятельности полководцев и войск была принята в военных трактатах. В «Тактике» Асклепиодота (I в. до н. э.) описывались правила подачи команд в строю фаланги, которым в общих чертах следуют и современные боевые и строевые уставы: «Итак, голосовые команды должен быть короткими и однозначными. Это будет достигнуто, если частная команда будет предшествовать общей, так как общие (команды) неоднозначны. Например, мы не скажем «Поворот направо!» но «Направо – поворот!», так что в запальчивости некоторые могут сделать поворот направо, а другие налево, когда приказ о повороте дан первым, но все должны делать то же самое вместе; или мы не скажем «Кругом через правое плечо!» но «Через правое плечо – кругом!...» [3, URL: <http://www.symposium.ru>]. Разделение команды на предварительную и исполнительную часть и вынесение ключевого слова на первое место – то главное, чем следует руководствоваться и сегодня при командовании в строю и при передаче целеуказаний по средствам связи.

И Асклепиодот, и Элиан в своей «Тактике» (I в.) отмечали, что команды, подаваемые голосом, наиболее понятны воинам, если только условия (протяженность строя, звуки боя, шум, погодные условия или условия местности) не создают помех пониманию их смысла. В противном случае полководцам рекомендовалось прибегать к сигналам при помощи знаков, значков и музыкальных инструментов.

Арриан (I в.) также указывал: «Нужно приучать войско быстро принимать команды, [поданные] голосом, видимыми значками, или трубами. Более понятными оказываются [команды], отданные словом, потому что такое сообщение доносит всю полноту мысли, не то что сигнал, который только видят или слышат» [14, с. 163]. Он же, следуя Асклепиодоту, полагал, что «команды нужно отдавать как можно более кратко и так, чтобы они были совершенно ясными. Это будет достигнуто, если мы остережемся давать такие [команды], которые солдаты могут понять двояко⁸. Например, если ты говоришь «повернись», и потом к этому добавляешь – «к копыю», или «к щиту», то те, кто привык быстро повиноваться приказам, воспримут и выполнят [команду] каждый по-своему. Поэтому нужно говорить не «повернись к копыю», или «повернись к щиту», но в обратном порядке – «к копыю повернись» или «к щиту повернись»: тогда все, сколько есть, услышат и выполнят одно и то же. Так же не нужно командовать «поворот кругом» или «контр-марш»: ведь эти [команды], указывающие [только] на род действий, побудят, кто слушает, к исполнению разных приемов. Вид должен предшествовать роду, то есть: «к копыю поворот кругом!» или «к щиту!...» [14, с. 165–166]. «Вид» и «род» в данном переводе есть то же, что и «частная» и «общая» команды у Асклепиодота, а команды «к щиту» и «к копыю» есть аналоги «налево» и «направо»: поскольку каждый воин держал щит в левой руке, а копьё в правой – не возникало необходимости введения новых понятий «левое» и «правое».

⁸ Ср.: «Приказ должен быть сформулирован ясно, не допускать двоякого толкования и не вызывать сомнения у подчиненного» (Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации. М.: Воениздат, 1993).

Пока римские легионы сохраняли агрессивную напористость, ту тягу ко «всеобладанию», о которой писал Е.Б. Фукс⁹, авторы военных трактатов были достаточно лаконичны – в речевой деятельности полководцев команды явно преобладали. Но стоило покачнуться римской военной мощи, что, конечно, явственно отразилось на боевом духе легионеров, как оказалось, что одними командами не обойдешься. И вот уже у Вегеция (конец IV – начало V вв.) встречается следующая знаменательная рекомендация: «В тот день, когда воинам предстоит сражаться, старательно разузнай их настроение. Не очень доверяй, если новобранец жаждет боя; для тех, кто не испытал сражения, оно кажется заманчивым; знай, если испытанные бойцы боятся сражения, тебе лучше его отложить. Благодаря убеждениям и поощрениям вождя у войска растут храбрость и мужество, особенно если они понимают, что метод предстоящего сражения таков, что они могут надеяться легко добиться победы. Затем нужно указать на неспособность и ошибки врагов, и если они раньше были побеждены нами, напомнить об этом. Нужно рассказать о том, что вызовет ненависть к врагам и зажжет души наших воинов гневом и негодованием» [5, с. 231]. Умение формировать боевой настрой перед сражением требовалось от полководцев испокон века; новым для римских полководцев является осторожничанье с оглядкой на трусивших воинов. Совет откладывать сражение, если опытные солдаты не уверены в его исходе и стремление побеждать, не затрачивая больших усилий, косвенно может свидетельствовать о том, что римляне еще сохраняли стратегическую инициативу, но духом уже ослабели.

Воспитанию войск, в особенности ближайших помощников военачальника, в мирное время уже требовалось уделять серьезное внимание. Это неизбежно приводило к смещению акцентов с монолога полководца к диалогическому общению с подчиненными: «Для вождя наиболее полезным и искусным приемом является выбрать из всего войска знающих военное дело и мудрых людей и, устранив всякую лесть, которая в этом случае крайне вредна, **чаще вести с ними беседы** (выделено мной – С.З.) о своем и о вражеском войске, о том, у кого больше бойцов, у нас или у врагов, чьи люди лучше вооружены и снабжены, чьи более обучены, чьи более мужественны в тяжелых условиях. Нужно разобрать, на чьей стороне лучшая конница, на чьей – пехота, а надо знать, что в пехоте заключается сила войска... Надо разобрать, у кого больше запасов продовольствия, или у кого их не хватает; ведь голод, как говорится, внутренний враг и очень часто побеждает без меча. Но главным образом надо обсудить, выгоднее ли оттянуть неизбежное или скорее вступить в бой...» [5, с. 223]. Примечательно, что одними глашатаями, как у Арриана, римский полководец уже не мог обойтись: его речевому воздействию нужны были не только «усилители голоса», но и «передаточные механизмы», обеспечивающие трансформацию его замысла в мысли, чувства и волю бойцов, стоявших в рядах фаланг. И, как следует из приведенного отрывка, этим людям совсем не обязательно было быть командирами, – ими вполне могли быть заслуженные воины, обладавшие авторитетом среди своих товарищей, к чьему голосу прислушивались в рядах – предтечи византийских кантаторов.

В этом вопросе Вегеций фактически повторяет¹⁰ Онассандра, чьи «Наставления военачальникам» современная наука датирует I веком на основании авторской надписи, посвящающей труд Квинту Веранию, бывшему консулом в 49 году. Достаточно ли этого для однозначного установления авторства? Риторический трактат «Для Геренния», например, до сих пор считается анонимным, поскольку по дошедшим до нас сведениям, только в I веке известны минимум два Геренния сенаторского звания, к которым мог бы адресоваться автор, предпо-

⁹ Фукс Е.Б. О военном красноречии. СПб., 1825.

¹⁰ Ср.: «Полководец должен избрать для совещания знаменитейших из подчиненных ему военачальников, чтобы рассуждать с ними о нужных делах, ибо мнение одного его не всегда может быть достаточно до такой степени, чтобы положительно на оное решиться. Будучи никем не утверждено, сие мнение не может быть безошибочным, поелику заключает в себе одну его мысль, между тем как мнение, получившее одобрение многих особ, принимается за верное и положительное» [13, с. 28–29].

жительно Цицерон. При датировке трактата Онассандра сомнения возникают, главным образом, на основании анализа текста.

Во-первых, в сравнении с предшественниками и предполагаемыми современниками – Асклепидотом, Элианом, Аррианом, уделявшим внимание в основном боевой силе и организации войска, трактат Онассандра слишком всеобъемлющ, слишком всеохватен, он уделяет слишком много внимания подробностям, относительно малозначимым для войска, одержимого агрессивным стремлением к завоеваниям и победам. Онассандр стремится снабдить полководца советами буквально на все случаи жизни: как следует отдыхать военачальнику, когда следует кормить воинов, как погребать павших и проч. Это роднит его с более поздним трактатом Вегетия, также очень внимательного к деталям.

Во-вторых, трактат начинается с необычной для полководцев античности заботы о справедливости: «Я думаю, что должно прежде всего убедиться в необходимости войны и открыть всему свету справедливость причин, побуждающих начать оную. Это единственное средство обратить на себя благоволение Божества, получить помощь небес, и ободрить войско к перенесению опасностей брани. Люди спокойные в своей совести и убежденные в том, что они не делают несправедливого нападения на других, а только защищают свою безопасность, к достижению сего употребляют все свои силы, между тем как те, которые почитают Божество разгневанным несправедливою войною, от сей мысли приходят в боязнь, дабы от неприятелей не случилось им претерпеть какого-нибудь бедствия. И так полководцу надлежит употребить сперва сношения и посольства, чтоб удобнее достигнуть предметы своих желаний и совершенно показать несправедливость требований, делаемых врагами; в случае же несогласия их с его законными представлениями, дать знать, что необходимость, а не зложелательство принудили его сделать набор войска. Пусть тогда он представит Бога свидетелем правоты своих намерений, пусть ясно покажет врагам, что он объявляет им войну не потому, чтобы почитал бедствия, наносимые оною маловажными, или не потому, что в сем случае преимущественною целью он имеет то, чтобы начать войну с одним желанием причинить зло неприятелям» [13, с. 29–31]. Трудно представить римского полководца I века, обременяющего себя посольствами только для того, чтобы очистить свою совесть, что не он является причиной кровопролития и смертоубийства и убедить своих воинов в том, что боги будут им покровительствовать. Конечно, и Цезарь не отвергал переговоры с неприятелем, но это скорее служило прагматичным средством вынудить замыслы врага, разведать его силы и, по возможности, внести раскол в его ряды. Боги Рима отнюдь не были альтруистами, а *virtu* римлянина была густо замешана на крови и сексе, что убедительно показал, например, П. Киньяр¹¹. К категории справедливости стало особенно чувствительно христианское сознание византийцев V–XI веков, формировавшееся под знаком ценностей религиозного пафоса общественной речи.

К тому же, прибегать к набору войска в I веке не было необходимости – в распоряжении римских полководцев были готовые легионы профессиональных солдат. Практика набора наемного войска получила в Риме распространение на пару веков позднее.

Интересно также указание трактата на необходимость очищения воинства перед предстоящим сражением: «Полководец, прежде вывода своих воинов на поле сражения, должен приказать очистить их от грехов, и общих или частных пороков духовными жертвами, предписанными законом Божественным, или назначенными в предсказаниях» [13, с. 35]. Трудно судить, насколько эта практика была распространена в римском войске I века, по крайней мере, в записках Цезаря о Галльской войне о подобных ритуалах не упоминается ни разу. Но по мере распространения христианства участие воинов в религиозных обрядах стало обязательным и, как будет показано далее, регламентировалось наставлениями военных трактатов. Заметим: жертвы предписаны *духовные*. Следовательно, трактат можно датировать не ранее IV в., когда

¹¹ Киньяр П. Секс и страх. М.: Текст, 2000.

христианство победило в Римской империи. Даже если бы Онассандр был христианином I века, ему бы не пришло в голову рекомендовать такое римскому магистрату. Ко всему прочему, приведенный здесь отрывок трактата можно переводить по-разному. Вот как он звучит в переводе А.Б. Шарниной: «Стратег, ведущий божественное [воинство] в сражение, [пусть положит] за первое искупление [грехов]. Пусть свободный от порока полководец выводит войска, которым, кто свят, путь указывает [божественный] закон, а очищающимся, – пророки, удаляя, если есть какое позорное пятно на государстве, или частным образом у каждого скверну». «Святыми» называли сами себя в первые века христиане. Сомнительно, чтобы всего через полтора-два десятка лет после распятия Христа (в соответствии с принятой датировкой трактата) его последователи умножились в римском войске настолько, что автору потребовалось входить в тонкости христианского вероучения и отделять «верных» от «оглашенных».

В-третьих, Онассандр, описывая порядок погребения павших, указывает: «Сие благочестивое дело есть священный долг мертвым и нужный пример для переживших, ибо всякий воин, видя пред глазами сию участь, что об нем будут не радеть, как скоро он погиб на поле брани, и судя по настоящему и о будущем, что и он, если умрет, равно не будет **должным образом предан земле** (выделено мной. – С.З.), нелегко переносит бесчестие остаться без гробницы» [13, с. 35]. Данный пассаж прямо противоречит существовавшим в I веке погребальным обычаям римлян: «В последние века республики и в первый век империи трупы обычно сжигались, и погребение в земле начало распространяться только со II в. н. э., возможно, под влиянием христианства, относившегося к сожжению резко отрицательно» [16, URL: e-libra, rmread/ 315738-zhizn-drevnego-rima..html].

Приведенные соображения позволяют предположить, что трактат Онассандра не мог быть написан ранее второй половины III – начала IV века. Слова Ф. Стюарта, что автор был «философ платонический» следует трактовать, что Онассандр был представителем *неоплатонизма*, чье учение стало известным в Риме со второй половины III века. Для неоплатоников было характерен политеизм – переплетение почти христианского понимания духовности с языческой религиозно-магической практикой с ее жертвоприношениями, гаданиями и предсказаниями, – отражение которой мы находим в трактате.

Неудивительно, что Онассандр, сам отличавшийся прекрасным слогом¹², придавал такое значение слову военачальника: «Полководец должен быть красноречивым. Сие дарование военачальника много пользы может доставить войску. Когда он будет расставлять воинов в боевой порядок, тогда убедительная его речь внушит им презрение к опасностям и желание оказать дела доблестные. Звук трубы, достигнув слуха воинов, не столько воспламеняет их души к сражению, сколько речь, возбуждающая их мужество на месте битвы. Во время неудачи и поражения утешительная речь ободрит унылые сердца. Речь военачальника, могущая доставить утешение в несчастях, претерпеваемых войском, гораздо полезнее искусства врачей, обыкновенно сопутствующих воинам для уврачевания их ран. Врачи своими лекарствами пользуют только раненых, а речь полководца придает бодрость утомленным и возбуждает отважность в бодрых. Но как болезни внутренние лечить труднее, нежели наружные, так и утешительной речью исцелить сердце от малодушия гораздо труднее, нежели уврачевать ясную по наружным признакам телесную болезнь; и так, если никакой город не посылает войска без военачальника, то не должно избирать военачальником человека, не обладающим даром красноречия» [13, с. 17].

«Красноречие» трактовалось достаточно широко: для ободрения сражающихся допускалось сеять ложные слухи, например, громко возглашать, что царь или военачальник неприятельский убит; на левом крыле сообщать, что правый фланг одолевает врага, а правифланго-

¹² Ф. Стюарт писал: «...в какое бы время он не жил, только мы видим в его сочинении удивительную для своего века чистоту слога» [5, с. 4].

вых подзадоривать тем, что левофланговым сопутствует успех. Главное же для стратига было – в любых обстоятельствах сохранять спокойствие и напускать на себя бодрый и веселый вид, способствуя эмоциональному заражению войск. Впрочем, при случае полагалось необходимым уметь разяснить серьезность положения: «Цель такого представления не та, чтобы воинов привести в страх, но чтоб сделать их рассудительнее» [13, с. 87]. Пример Цезаря показывает, что это было весьма полезно в том случае, если войско по каким-либо причинам начинало роптать на своего полководца – боязнь оказаться брошенными без покровительства его сильной руки в окружении грозящих гибелью врагов отрезвляла и делала «рассудительными» многие горячие головы. Как бы то ни было, но полководцу признавалось полезным «иметь сии два качества: уметь говорить хорошо в нужное время и принимать на себя вид, какой потребуют обстоятельства» [13, с. 88].

Помимо красноречия, Онуассандр полагал важным умение слушать. Для этого полководцу необходимо было быть доступным в любое время каждому – «раб ли он, или свободный, днем ли или ночью, на дороге, в шатре, на постели, в бане или за столом», – кто пожелал бы доставить ему какое-либо известие о неприятеле.

Ценность риторики в военном деле находит отражение в византийских трактатах, рассматривавших подготовку воинов к битве не только как обязанность полководцев, но и считавших полезным существование для этой цели специальных должностных лиц. Так, «Стратегикон» Псевдо-Маврикия (VI в.) упоминает о должностях *кантаторов*, которые «до сражения держат речь, готовят воинов, напоминают о том, что может случиться» [9, с. 13].

Признавалось важным, чтобы военачальник «был бы точен и внятен при разяснении самых труднейших упражнений», и не торопился наказывать, но делал это только после тщательного разбора дела. Наконец, подчеркивалась важность постоянного общения с воинами; рекомендовалось «вступать с ними в разговоры, употребляя при этом ласковые слова, просторечия и прочее, что подходит к их понятиям», поскольку «без этого нельзя уверенно управлять войском» [9, кн. 8, 1].

Так же как в трактате Онуассандра, главнокомандующему полагалось полезным в речах соблюдать «золотую середину» – не перехваливать своих и не унижать боевые качества врагов: «Когда он держит речь к войску, то не должен оставлять без похвалы даже неприятельские подвиги, чтобы таким образом выказать себя справедливым и по отношению к неприятелю и обратно – чтобы свои не слишком превозносились» [9, кн. 8, 2]. Рекомендация, что и говорить, полезная для искоренения шапкозакидательных настроений у современных военнослужащих, под воздействием государственной пропаганды порой теряющих способность трезво оценивать противника. Достаточно вспомнить к чему привело культивирование безответственного лозунга «воевать малой кровью на чужой территории» перед Великой Отечественной войной.

Полководческое красноречие трактат рекомендовал подкреплять «увещеваниями» всех начальников, вплоть до младших командиров – декархов и пентархов (десятников и командиров над пятью воинами).

С точки зрения содержания речей «Стратегикон» отдавал предпочтение классическому героическому пафосу: «Прежде всего надо напоминать о прошлых славных подвигах» [9, кн. 7, 5]. Не исключались материальные и правовые стимулы: «В то же время надо объявить в каждой тагме через ее начальников, что Верховный Вождь желает награждать воинов, обещать награды тем, которые окажут услуги государству, и прочесть писанные законоположения присяги» [там же].

Первым дошедшим до нас полнотекстовым документом, целиком посвященным организации речевой деятельности полководца и речевому воспитанию войск в VI в. стал трактат, известный в научной литературе под названием «*Rhetorica militaris*» (далее по тексту R.m.).

В качестве главной цели произнесения военных речей автор трактата выделял побуждение воинов к сражению и воодушевление их. Византийские армии VI века были наемными:

в случае необходимости император вручал определенную сумму денег военачальнику и поручал ему провести набор солдат. Следовательно, у военачальников не было возможности заботиться о воспитании воинов в мирное время, кроме разве своей личной охраны – буккеллариев. Речи полководцев являлись действенным средством двинуть войска в сражение, что было непростым делом, ибо наемники, как правило, не горели желанием сложить голову на поле боя.

Трактат устанавливал различие между четырьмя видами речей: речи, призывающие к войне, речи победные, убеждающие и гневные.

Призывающие к войне речи опирались на категорию *справедливости*, на которой стояло все средневековое христианское мировоззрение. Ближе всего к византийской трактовке справедливости стояло понятие «праведности» как соответствие поведения требованиям религиозной морали и нравственности, путь беспрекословного следования божественным заповедям, утверждение евангельской истины в земной жизни. Отсюда повышенная чувствительность византийцев к справедливому и несправедливому, особенно в такой важнейшей сфере человеческой деятельности как война и военная служба, от которой зависели жизнь и благополучие огромного количества людей.

Византийские полководцы побуждали воинов сражаться прежде всего за *справедливость*. «Ведь ни одно из прекрасных дел не приносит столько добра жизни, как справедливость, – говорится в трактате, – которую поэтому следует всем почитать и защищать от врагов, во-первых, потому что они нечестивцы и презирают нашу веру; во-вторых, потому что они часто дерзали выступать против нашего отечества, и теперь, если они избегут теперешней войны, то тотчас снова дерзнут выступить против разоренного <отечества> в подходящий момент и достигнут успеха; в-третьих, из-за нашей любви друг к другу, когда не каждый охраняет свое, а все относятся к имуществу соплеменников как к собственному; в-четвертых, потому что мы много от них претерпели, за что следует отомстить им, как поступившим несправедливо; ведь так поступают все» [R.m., XXXVII, 7].

Второй по значимости темой, с которой византийские риторы рекомендовали обращаться к войскам, была тема *защиты отечества*. Аргументация по этой теме была совсем проста и ничем, в сущности, не отличалась от современных подходов к этому вопросу: «Должно воевать за отечество, увеличивать блага его, потому что оно о нас заботилось, и кормило, и воспитало прекраснейшим образом» [R.m., XXXVIII].

Византийцы не были бы достойными наследниками римской прагматичности, если бы в качестве темы военных речей не вынесли *пользу*, полагая, что «все остальное, как например, законное, справедливое, прославленное – это то, чем многие пренебрегают; но за полезное держатся крепко» [R.m., XXXIX, 5]. Война в такого рода речах рассматривалась как крайнее средство спасти родных и близких, отстоять собственные дома и имущество, сохранить скот и посевы.

Второстепенными, «обеспечивающими» для этого вида речей являлись темы:

– «о приготовлении оружия», т. е. о содержании воинами в добром порядке своего вооружения;

– «об упражнении в построении войска», ибо от знания каждым своего места в строю фаланги и тагмы и умения правильно и быстро выполнять тактические эволюции зависела победа;

– «о храбрости» в бою, что «жизнь может быть счастливой благодаря самым разным вещам, но прежде всего храбрости, благодаря которой не только наши дела в безопасности, но и врагам мы можем причинять зло» [R.m., XLII];

– «о перенесении трудов», что можно трактовать как известное требование современных уставов стойко переносить тяготы и лишения военной службы;

– «о повиновении командирам», так как то, что они делают, они делают ради подчиненных. «Что же они делают? Бодрствуют, заботятся, несчастья подчиненных делают своими соб-

ственными, и сами, раньше остальных и вместе с остальными испытывают сердечную боль и ни в чем не отличаются от отцов» [R.m., XLIII].

Все это напоминает тематику современных воспитательных бесед с военнослужащими, посвященных качественному обслуживанию оружия и боевой техники, перед началом занятий по боевой подготовке, а также в процессе воинского воспитания или дисциплинирования.

Победную речь – «о том, что, блестяще сразившись с врагами, мы прославим победу» – следовало произносить, воздавая хвалу сначала Богу, потом царю, наградившему воинов, а потом уже и самих воинов за проявленные мужество и героизм. Автор трактата особо отмечал, что «следует после такого благодарения похвалить всех сообща, затем поименно особо отличившихся, и снова общую похвалу воздать воинам, и, наконец, указать, что настоящая победа является доказательством будущих подвигов» [R.m., LV, 5].

Убеждающая речь произносилась в случае поражения, чтобы не допустить падения боевого духа войска. Трактат уделяет этому виду речей самое серьезное внимание. «Убеждая же побежденных, сначала скажем, что не из-за малодушия они побеждены врагами, но или из-за множества врагов, или из-за случайности судьбы, или из-за местности, например: «Может показаться врагам, о, воины, что они победили или из-за вашей трусости или из-за их храбрости, я же сознаю и убежден, потому что их или было гораздо больше, чем вас, или из-за места, которое они заранее захватили; в третьих, скажем, что они, хотя Бог на них рассердился за какое-то прегрешение в жизни, но если они его искупят, снова Бог будет сражаться вместе с ними».

Последний аргумент увязывается с популярной у византийцев категорией справедливости. «Наконец, – продолжает автор, – необходимо сказать, что хотя и мы претерпели то, что претерпели, потом война принесет нам пользу, так как враги, презирая нас, будут вести себя более беззаботно на войне, мы же, став более осторожными, будем сражаться более энергично с ними». С явным сарказмом, вызывающим улыбку и по прошествии пятнадцати веков, автор отмечал, что «наш же царь, переложив вину за поражение с воинов на стратега, и нечто более неожиданное нашел» [R.m., LVI, 1–4].

Произнося *гневную* речь, – «что из-за нашей беззаботности и отсутствия военной дисциплины враги одолеют нас» – полководцу рекомендовалось «не только стыдить потерпевших поражение из-за нерадивости, но и ободрять убеждающей речью и, наконец, побуждать к войне призывающей речью» [R.m., LVII, 1, 2]. При этом оратору следовало удерживаться от грубости и горячности и ни в коем случае не оскорблять слушателей, «ибо, где имеет место поношение, исчезает исправление вины» [R.m., LI, LVIII, 1]. Чтобы высказанное порицание не оскорбило воинской чести провинившихся, византийским стратегам даже рекомендовалось не называть их поименно. В обращении к воинам автор трактата всегда был изысканно вежлив: тексты образцовых речей пестрят выражениями «прекрасные и благородные соратники», «благородное и возлюбленное войско», «любимые дети и братья», «мужи братья и соратники». Последнее выражение было в большом ходу у Цезаря, он пользовался им весьма умело, когда хотел подчеркнуть общность интересов полководца и войск. Об этом писал в своих «Стратегмах» Полиэн (II в.).

Византийцы в своей практике обучения и воспитания войск твердо придерживались метода *убеждения*. Каждое требование византийского стратега, как подчеркивается в трактате «*Rhetorica militaris*», должно было быть всесторонне аргументировано; только в критических ситуациях, в условиях недостатка времени признавалось возможным использовать в речи исключительно главные тезисы (т. е. утверждения или отрицания чего-либо).

Византийцы, как и древние греки, любили пространные, хорошо композиционно выстроенные, аргументированные речи. Искусство оратора, его умение логически безупречно вывести умозаключение, наилучшим образом расположить аргументы помимо очевидного выигрыва в убедительности косвенно свидетельствовало в глазах воинов о «компетентности» их

военачальника, вызывая уважение к его кругозору и образованности и доверие к последующим приказам.

О необходимости для военачальника владеть «искусством умозаключений, критическим даром»¹³ говорилось и в анонимном византийском трактате VI века «О стратегии». Ясно, что данное требование необходимо рассматривать во взаимосвязи с искусством речи, ибо сама по себе мысль полководца, не воплощенная в его распоряжения и приказы, ценности не имеет – об этом писал еще Ксенофонт¹⁴.

В «Тактике» (рубеж IX–X вв.) императора Льва VI обязанности кантаторов, о которых у Псевдо-Маврикия упомянуто вскользь, были разработаны более подробно. Во-первых, заявлялось, что кантаторы существуют специально для подготовки войск к битве. Во-вторых, в кантаторы рекомендовалось отбирать солдат и архонтов, отличающихся красноречием и искусных в обращении к воинам. Особо подчеркивалось, что совместно перенесенные тяготы и лишения воинской службы располагают слушателей быть более восприимчивыми к словам оратора. Определялся и примерный круг тем выступлений этих средневековых «агитаторов»: «Обращаясь к войску перед сражением, кантаторам надлежит сказать следующее: необходимо помнить, что самое первое, что заслуживает вознаграждения, это верность Господу и благодеяния, оказываемые императору (преуспеяние в этом выше всего остального), что каждый ходит под Богом, проявляя любовь к Нему и к любому из живущих, к братьям по вере, к женам и детям, если они есть, к отечеству. Следует также сказать, что останется вечной память тех, кто отличился в сражениях за свободу своих братьев, что со стороны врагов такая война противна Богу, что мы, располагая благоволением Бога, обладаем преимуществом в войне, а они, действуя против Его воли, не пользуются Его доверием; следует дополнительно продумать и другие вдохновляющие увещевания, подобные этим. Такие слова, вовремя сказанные, способны очень сильно возбудить душу – даже больше, чем обещание материальных благ» [8, 199].

На фоне ожесточенного арабо-византийского противостояния на первый план выходили идеальные ценности религиозного пафоса, недаром накануне сражения слово военачальника трактат рекомендовал усиливать словом пастыря: «Следует еще до ночи провести усердную молитву и всем получить благословение священников, чтобы благодаря этому все должны быть убеждены словами и делами в благоволении Бога, а потому шли в бой просветленными и уверенными» [8, с. 211].

Наличие службы кантаторов не слагало со стратига обязанности уметь говорить с войсками; император неустанно твердит: «... тебе следует с бодрым и неустрашимым видом обойти боевой строй и вдохновить всех собственными словами»¹⁵; «Прежде чем мужество будет окончательно утрачено, тебе, стратиг, следует через архонтов тагм, декархов и пентархов вдохновить войско и разъяснить ему, что не время впадать в страх, но необходимо еще более ожесточиться против врагов и мужественно исправить ошибку, происшедшую по вине некоторых. Все это и тому подобное должно быть тобой оглашено»¹⁶; «Если случится так, что войско будет побеждено, не оставляй мысли с помощью речей ободрить оставшихся в живых и воодушевить их»¹⁷; «Вновь обращай стратиотов, впавших в страх, к высоким помыслам и различными способами вновь возвращай им мужество, привлекая их к себе словами и дарами и тем самым

¹³ О стратегии: Византийский военный трактат VI века. СПб., 2007. С. 61.

¹⁴ См. «Воспоминания о Сократе», кн. III, гл. 3 «Разговор об обязанностях гиппарха»: «– Ты хочешь сказать, что начальник конницы, помимо всего прочего, должен заботиться и об умении говорить? – А ты думал, – возразил Сократ, – что командовать конницей надо молча? Или ты не обратил внимания на то, что все знания, получаемые нами благодаря обычаю... – все их мы усвоили при помощи слова; что и всякую другую прекрасную науку, которую кто-нибудь изучает, он изучает при помощи слова; что лучшие учителя действуют по преимуществу словом; что люди, обладающие самыми важными знаниями, прекрасно говорят?» [7, URL: kroto.y.info/libs/ec/11_k/ke/s/kks/eno3b.htm].

¹⁵ Тактика Льва, с. 212–213.

¹⁶ Там же, с. 215.

¹⁷ Там же, с. 249.

превращая их уныние в благорасположение»¹⁸; «Регулярно обращайся к стратиотам со словами увещания, чтобы во время сражения они испытывали воодушевление. Старайся воспитать в них чувство любви, чтобы он всегда были готовы прийти на помощь друг другу»¹⁹. Развернутые, риторически разработанные речи произносились, очевидно, в лагере, до сражения. В бою речи уступали место кратким призывам вроде следующего: «Сразимся с врагами и победим!», с которыми автор трактата рекомендует военачальнику обращаться, объезжая строй стратиотов перед самой сшибкой с неприятелями.

В том, что стратигом может быть только «способный держать речь и быть оратором»²⁰, «Тактика» Льва фактически цитирует соответствующее положение «Стратегикона» Псевдо-Маврикия.

Идеи, высказанные Львом VI, нашли окончательное воплощение в «Стратегике» (втор. пол. Хв.) императора Никифора II Фоки. К тому времени в Византии, на протяжении более двух веков занятой борьбой с арабо-мусульманской угрозой, концепция «справедливой войны» окончательно трансформировалась в концепцию «священной войны», которая трактовала военных противников не только как врагов государства, но и как врагов Божиих, борьба с которыми являлась обязанностью и добродетелью воина-христианина. Недаром император пытался организовать почитание павших на поле боя как святых православной церкви. Религия в этот период стала играть роль военной идеологии.

В «Стратегике» подробнейшим образом расписывалась организация в армии богослужения, практически как *вида обеспечения боевых действий*: «Следует же командиру люда заранее постановить стратигам, начальникам и остальной армии, чтобы в лагере, в котором все войско разместилось, во время славословия и в вечерних и в утренних гимнах священники армии совершали после исполнения гимнов усердные молитвы, а все войско люда восклицало «Господи помилуй!» **вплоть до сотни раз со вниманием и страхом Божиим и со слезами** (выделено мной. – С.З.), чтобы никто не отваживался в час молитвы заниматься каким-то трудом... Кто же будет найден в час произнесения усердной молитвы занимающимся какими-либо делами и посчитавшим все побочным, кто не встал и не воздал Богу свою молитву в страхе Божиим, оного с наказанием, остриженными волосами и достойной его процессией пусть понизят, опуская до незначительного чина. Когда же неприятели приближаются, следует выдать решение, как и когда должно вести бой. И когда решение принято, то командир армии должен созвать и всех стратигов, и начальников, и весь их люд и поощрить, и определить им очиститься и поститься перед боем три дня, занимаясь сухоядением и кушая лишь однажды к вечеру. Однако пусть каждый выбросит из своей души соперничество друг с другом, и злопаметность, и ссоры. Точно так же и в остальных прегрешениях перед Богом каждый пусть дает обеты покаяния и чтобы он, позже отступив от них, не был захвачен этими же пороками, но жить ему в достойном существовании и покаянии. Когда и это также хорошо исполнено, за один день до боя следует священникам совершить бескровные жертвоприношения и, совершив обычную службу, удостоить все войско участия в божественных и незапятнанных таинствах. И потом так же смело и мужественно с верой и доверием к Богу отважиться отправиться на супостатов» [11, с. 38–39].

Эти наставления принадлежат перу не монаха, как может показаться вначале, но императора-воина в полном смысле этого слова, с юности жившего среди войск боевой жизнью походов и сражений. Поразительно придирчивое внимание полководца к морально-психологическому обеспечению боя, простирающееся вплоть до установления текстов молитв и порядка их произнесения войсками перед столкновением с противником: «Когда неприятели приближа-

¹⁸ Там же, с. 316.

¹⁹ Там же, с. 317.

²⁰ Там же, с. 104.

ются, всему войску люда пристойна именно для христиан непреоборимая молитва; каждый из них пусть говорит: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Аминь»; и таким образом пусть натиск производят на неприятелей, стройно медленно идя так называемым шагом... Пусть же дадут им условный сигнал либо рожком, либо другим музыкальным инструментом, чтобы, перестав идти, это же сказать им опять, ту же молитву: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Аминь» и «Христиан нас приими, удостоивая постоять нас за веру и за братьев наших и побороться до смерти, укрепляя и усиливая души, сердца и все тело наше, о Боже, крепкий во бранях и в силе ни с кем не сравнимый, молитвами родившей тя Богородицы и всех святых. Аминь» [11, с. 30–31].

Примечательно, что в трактате Никифора Фоки нет как вообще никаких упоминаний о кантаторах, так и о необходимости для стратига и архонтов умения говорить с войсками. Все внимание автора сосредоточено на молитве, которую в этот период можно рассматривать как *жанр воинского дискурса*.

О переменах, произошедших в сознании византийцев под влиянием религиозного пафоса общественной речи, говорит тот факт, что еще в «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия возгласы «Господи, помилуй!» и «С нами Бог!» положено было произносить только при выходе из лагеря. Также выражалось сомнение в целесообразности употребления в бою крика «С нами Бог!» в пользу соблюдения тишины и порядка в строю, чтобы излишне не возбуждать людей и лошадей и обеспечить внимание к подаваемым командам. Только воинам задних шеренг необходимо было перед самым столкновением с врагами испускать устрашающий «рев». Во второй половине X века уже настолько полагались на слово Божие, что всякие суетные человеческие мудрования были отставлены, по крайней мере, военная риторика, которая находила еще широкое применение на полях сражений, в частности, самим Никифором Фокой, перестала регламентироваться военными трактатами.

Правление воинственных императоров Македонской династии, известного под названием «византийской реконкисты», основательно истощило людские ресурсы и привело в расстройство финансы Византии. Менее чем через полвека после царствования Василия II Болгаробойцы, «мечом раздвинувшего пределы» империи почти на треть, реалии возобладали над идеологией. «Справедливость – оружие войны»²¹, – полагал Кекавмен, та самая справедливость, которая двигала в бой византийские полки почти полтысячелетия тому назад. В «Советах и рассказах Кекавмена» (XI в.), который только отчасти можно считать военным трактатом, вера и благочестие стратига уже не рассматриваются как залог победы над внешними врагами, но как средство сохранить ясность мысли, осторожность и умеренность в личной и общественной жизни, чтобы не навлечь на себя гнев переменчивых василевсов и особенно столичной и провинциальной бюрократии, недоброжелателей и завистников.

Кекавмен в своей трактовке значения и содержания речевой деятельности полководца фактически возвращается к установлениям «Стратегикона» Псевдо-Маврикия, по крайней мере, в части, касающейся умения слушать: «Беседуй со всеми и выслушивай речь каждого. И если говорящий тебе верное и умное слово – простой человек, не отсылай его. Может быть, бог хочет его прославить и вдохновил на мудрое слово. Не пренебрегай им из-за его низкого положения» [17, с. 141]. Современный американский устав FM 22-100 «Армейское руководство» (1999) также не столько акцентирует внимание начальника на умении говорить, сколько на необходимости выработки у себя навыка активного слушания в общении с подчиненными.

Воинский дух византийцев угасал. Красноречие теперь рассматривалось уже не как средство двинуть войска в битву, но как средство достижения успеха в жизни и службе, как показатель общего развития государственного деятеля: «Ведь я хотел бы, чтобы ты был таким, что все удивлялись тебе – и твоему мужеству, и твоей рассудительности, и знаниям, и красоте

²¹ Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века. М., 1972. С. 159.

твоей речи», – пишет Кекавмен [17, с. 155]. Да и сам авторитет должности стратига значительно потускнел; свои прежние военные и гражданские полномочия полновластного хозяина фемы он теперь делил соответственно с катепанами (дуками) и судьями (преторами). В условиях тотальной коррупции, распространения наущничества, доносительства, обуздывать себя, чтобы не сболтнуть лишнего, предлагалось и в частной, и в общественной жизни: «Не старайся быть общительным, ибо не можешь оказаться и стратигом и мимом» [17, с. 157]. Эта рекомендация полезна для современных военачальников – умение говорить с войсками не должно использоваться для завоевания дешевой популярности в солдатской массе.

Угасал и религиозный пыл. Отошли в прошлое времена Константина Багрянородного, ниспровергавшего на головы врагов грома и молнии, уравнивая «агарян» с потомками «Велиала или Мухаммада»²². Византийские стратеги стали удивительно «политкорректны», если не сказать кротки и сдержанны на язык: «Если враг явится осаждать крепость – отнюдь не оскорбляй его, а по-дружески говори с ним со стен. Когда же дело дойдет до войны, воюй с ним. Дело в том, что оскорбляя его, ты приводишь его в ярость и толкаешь на коварство против тебя. Какая тебе выгода от брани и сквернословия? Более того, если ты увидишь кого-нибудь и услышишь, что он оскорбляет врага, заткни ему рот и пристыди его» [17, с. 273]. Последние рекомендации нельзя, конечно, не посчитать справедливыми и сегодня, но были ли они полезными в условиях бескомпромиссного противостояния народов и религий, или просто отражали реалии времени – вопрос принципиально открытый.

Господство религиозного пафоса в военной риторике Средневековья, развитие жанра воинской проповеди и молитвы, оглашавших поля сражений, привело к тому, что нужда в военных трактатах в ту эпоху незаметно отпала. Их место в воспитании воинского сословия заняла Библия, в особенности Ветхий Завет, с его обилием военных сюжетов и персоналий, который рекомендовал читать византийским стратигам еще Кекавмен. Средневековая вассальная верность, как полагал С.С. Аверинцев²³, во многом питалась идеей жертвенной христианской верности Богу.

С другой стороны, в условиях слабости централизованной власти, военное красноречие просто не могло регламентироваться – могущественные вассалы скорее всего сочли бы прямым для себя оскорблением руководствоваться в речевой деятельности чьими-либо указаниями, кроме Бога и отчасти церковной иерархии. Вот и приходилось королям, великим князьям и царям, обращаясь к своему воинству, придерживаться следующего образца речевого поведения: «Пусть будет целью твоей укрепить сердца воинов твоих; и обещай им, что ты достигнешь победы; и покажи им, что ты имеешь в доказательство этого... Следует, чтобы встал законоучитель твой и произнес речь от твоего имени (а ты бы стоял здесь же **в смирении великом**), **негодюя со слезами** (выделено мной. – С. 3.) о неправде раба твоего, и обещая каждому из них милость свою больше прежней, и каждому обещая помнить доброту его и чистое сердце его. И обещай им, что сделаешь их вечными слугами своими, и увеличишь им дары свои, и обещай сделать поселянина боярином, а боярина витязем. И скажи им, что правило и заповедь государственная гласит, что те, кто покинет государя своего на поле брани – лишены чести и доверия. Следует, чтобы законник твой рассказывал им пространно в поучении должном и что нужно поститься, молить Бога со страхом и смирением, потому что так избавятся они от скорбей и печалей, которые их ожидают» [19, с. 580–581].

Это цитата из «Тайная тайных» – русского варианта средневекового трактата о правилах государственного управления, пользовавшегося в свое время исключительной популярностью в Европе. Сочинение, представляющее собой собрание житейских наставлений, будто бы преподанных Аристотелем Александру Македонскому, восходит к арабскому оригиналу VIII–

²² Цит. по: Зверев С.Э. Военная риторика Средневековья. СПб.: Алетейя, 2011. С. 147.

²³ Аверинцев С. Другой Рим: Избранные статьи. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2005. 366 с.

IX вв. Согласно приведенному отрывку, властителю оставалось только немного подстегнуть рвение воинов обещаниями наград, поскольку вся основная работа по формированию их боевого духа выпадала на долю законоучителя – духовного лица.

Однако постепенное обмирщение религиозного пафоса, характерное для позднего Средневековья, привело к постепенному падению нравственности воинского сословия, пропорционально падению значения рыцарства и растворению его в массе наемных контингентов. Не сдерживаемые уздой религиозных ценностей нравы кондотьеров эпохи Возрождения стали крайне грубыми, сквернословие и божба поразила ряды наемных воителей настолько, что стали притчей во языцех. Лишенное поддержки в одухотворяющем дискурсе воинское служение обратилось в низкое, презируемое ремесло. Не случайно именно в Италии, территория которой в XV–XVI веках стала полем сражения буквально всех против всех, была сделана последняя попытка указать на важность военного красноречия и попытаться как-то регламентировать речевую деятельность полководцев, опираясь на богатейшее наследие античных и византийских авторов.

В трактате Н. Макиавелли «О военном искусстве» (1521) фактически была поставлена задача речевого воспитания полководцев и войск: «Убеждать или разубеждать немногих очень легко, потому что там, где слова не действуют, помогает власть или сила. Труднее расшевелить толпу, заставить ее отказаться от мнения, противного твоему собственному или вредного для общего блага. Здесь можно действовать только словом, и если вы хотите убедить всех, то надо говорить перед всеми. Поэтому выдающиеся полководцы должны быть ораторами, ибо едва ли можно чего-нибудь добиться, если не умеешь говорить перед целым войском... Ведь война – это бесконечная цепь случайностей, каждая из которых может погубить войско, если полководец не умеет или не привык говорить с солдатами, ибо слово рассеивает страх, зажигает души, укрепляет стойкость, раскрывает обман, обещает награду, разоблачает опасность и указывает пути к спасению, дает надежду, восхваляет или клеймит, вообще вызывает на свет все силы, способные воспламенить или уничтожить человеческую страсть. Поэтому князь или республика, замышляющие создание нового войска, должны **приучить своих солдат выслушивать речь вождя, а самого вождя – говорить с солдатами** (выделено мной. – С. 3.)» [6, с. 445–446].

Очень правильно было подмечено, что для воспитания войск недостаточно, чтобы полководец владел основами ораторского искусства. Не меньшее значение имеет желание и *привычка* воинов слушать. Древние греки и римляне периода республики и даже принципата, византийцы VI–IX веков еще умели ценить со вкусом составленную и талантливо произнесенную речь, но за столетия преобладания в общественной речи первых двух сословий при практически полном безгласии сословия третьего, народ просто отвык реагировать на другие стимулы, отличные от властного кнута и пряника. При таком положении солдатская масса не отличалась от вооруженной черни, на которую даже блестящая речь не могла бы оказать иного действия, кроме подспудного раздражения от «говорильни». Но очевидно, что арсенал поощрения и наказания не столь велик и отнюдь не неисчерпаем, поэтому привитие даже наемному солдату основ воинской сословной или корпоративной чести, любви к родине и доверия к полководцу настоятельно требует их воспитания словесными методами и, самое главное, побуждения их самих пользоваться даром слова, в котором сначала проявлялось бы то лучшее, что живет в душе человеческой, затем закреплялось в ответственной и значимой речевой деятельности, а потом подкреплялось в деятельности практической, воинской.

До воспитания «нового войска» в XVI веке дело, конечно, не дошло, но уже столетие спустя в армии «новой модели» О. Кромвеля указанный принцип нашел применение, увенчавшись прекрасными результатами.

Макиавелли, при всей своей прагматичности, верно замечал, что победа, стремление к которой закладывается на уровне инстинкта самосохранения, обязательно должна находить

поддержку в «идеальных» факторах, возвышающих цели борьбы над простым выживанием на поле боя: «Другие вынуждали своих воинов к бою, заявив, что единственная надежда на спасение – это победа. Последнее средство – самое сильное и лучше всего развивает в солдате стойкость. Стойкость эта еще укрепляется любовью к родине, привязанностью к вождю и доверием к нему. Доверие же создается хорошим оружием и боевым строем, одержанными победами и высоким мнением о полководце. Любовь к родине дана природой, любовь к вождю создана его талантами, которые в этом случае важнее всяких благодеяний. Необходимость многолика, но она безусловна, если на выбор остаются победа или смерть» [6, с. 446–447].

В этом он намного опередил свое время. Идеи Макиавелли, хоть и не везде и не в полном объеме реализованные, легли в основу последующих воинских уставов и ими же, в сущности, руководствуются при воспитании современных военнослужащих.

Глава 2

Военные трактаты востока

В Древней Индии речевая деятельность военачальников и войск, наряду с прочими вопросами государственного и военного управления, была подробно регламентирована в трактате «Артхашастра». Мнения специалистов об авторстве и времени написания трактата различны. Трактат мог быть написан как Каутилей – советником царя Чандрагупты (время правления 317–293 гг. до н. э.) и датироваться IV в. до н. э., так и иметь коллективное авторство; в этом случае время окончания составления трактата относится к II–III веку. Вопрос датировки далеко не праздный: помимо подтверждения исторической достоверности трактата, которая, впрочем, ни у кого из исследователей не вызывает сомнения, разрешение его позволяет сделать выводы, важные для понимания эволюции военной риторики Древней Индии.

Третья глава «Артхашастры» предписывает следующий порядок подготовки войск к сражению: «... имеющий [соответствующие] достоинства [государь], указав время, место [предстоящего сражения] и собрав войско, должен сказать: «Мое благосостояние одинаково с вашим. С вами вместе это царство должно быть использовано мною. Мною указанный враг должен быть уничтожен». Его же советник и домашний жрец пусть скажут для воодушевления войска: «И в ведах тоже говорится, что по окончании жертвоприношений, сопровождаемых богатыми дарами [в пользу жрецов], тому, кто совершает жертвоприношения, уготован тот же самый путь [в миры], который существует для героев [павших в бою]». По этому поводу имеются два стиха: «То, что брахманы, желающие неба, получают многими жертвами и покаянием, а также с помощью богатых даров достойным лицам, то в одно мгновение получают герои, отдающие жизнь в сражении. Да не будет нового глиняного корыта, наполненного водой, украшенного сверху травой дарбха, у того, кто не сражался, хотя и имел поддержку от господина. Ему следует идти в ад» [2, с. 418].

Начало почти как в современном уставе об обязанностях командира перед построением и в строю. Продолжение также выдержано в приказном тоне. В трех строках обращения царя к войскам слово «должен» использовано дважды. Фактически перед нами форма распоряжения на битву, но уж никак не традиционное «ободрение» или «увещание», столь характерное для военной риторики европейских народов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.